

ГЛАВА 5.

5.1. Прагматические аспекты русского и китайского комплимента как средства национально-речевого этикета.

Правила речевого поведения регулируются речевым этикетом, сложившейся в языке и речи системой устойчивых выражений, применяемых в ситуациях установления и поддержания контакта [3; 27]. Это ситуации обращения, приветствия, прощания, извинения, благодарности, поздравления, пожелания, сочувствия и соболезнования, одобрения и комплимента, приглашения, предложения, просьбы совета и мн. др. Речевой этикет охватывает собой все, что выражает доброжелательное отношение к собеседнику что может создать благо-приятный климат общения. Богатый набор языковых средств дает возможность выбрать уместную для речевой ситуации и благоприятную для адресата форму общения, установить дружескую, непринужденную или, напротив, официальную тональность разговора [3; 4; 40; 45; 96; 97].

Важно подчеркнуть, что в речевом этикете передается социальная информация о говорящем и его адресате, о том, знакомы они или нет, об отношениях равенства/неравенства по возрасту, служебному положению, об их личных отношениях (если они знакомы), о том, в какой обстановке (официальной или неофициальной) происходит общение, и т.д. [140; 141; 142; 149].

Важным признаком речевого этикета является его связь с категорией вежливости. С одной стороны вежливость это моральное качество, характеризующее человека, для которого проявление уважения к людям стало привычным способом общения с окружающими повседневной нормой поведения. С другой стороны — это абстрагированная от конкретных людей

этическая категория, получившая отражение и в языке. С точки зрения речевого поведения вежливость предполагает “ненанесение ущерба” речью, а, наоборот, оказание знаков внимания, одобрение партнера, проявление скромности в самооценках, проявление такта, не позволяющего вторгаться в личную сферу собеседника, задавать нескромные вопросы проявление желания оказать услугу.

Речевой этикет – важный элемент культуры народа, продукт культурной деятельности человека. Речевой этикет, как видно из сказанного, является составной частью культуры поведения и общения человека. В выражениях речевого этикета зафиксированы социальные отношения той или иной эпохи. Являясь элементом национальной культуры, речевой этикет отличается яркой национальной спецификой. По свидетельству Б. Бгажнокова, автора книги “Адыгейский этикет”, (Нальчик, 1978), у адыгов предельно близкое общему русскому *Здравствуйте!* соответствует множество способов приветствовать в зависимости от того, кого вы приветствуете мужчина это или женщина, старик или юноша, всадник или пеший, пастух или кузнец. Большое разнообразие приветствий благопожеланий можно встретить у монголов, причем эти приветствия зависят от сезона. Осенью, например, спрашивают: *Жирный ли скот?; Хорошо ли проводите осень?* Весной: *Благополучно ли встречаете весну?* Зимой: *Как зимуете?* А самым общим приветствием является стереотип отразивший кочевой образ жизни скотоводов: *Как кочуете? Как ваши скот?* [см.: 97]. В китайском приветствии заложен вопрос: *Вы сыты? Вы уже обедали (ужинали)?* Целая история народа встает за такими стереотипами! Ср. свидетельство И. Эренбурга: «Европеец, здороваясь, протягивает руку, а китаец, японец или индеец вынужден пожать конечность чужого человека. Если бы приезжий совал парижанам или москвичам босую ногу, вряд ли это вызвало бы восторг. Житель Вены говорит “целую руку”, не задумываясь над смыслом своих слов, а житель Варшавы, когда его знакомят с дамой машинально целует ей руку.

Англичанин, возмущенный проделками своего конкурента, пишет ему: “Дорогой сэра, вы мошенник”, без “дорогого сэра” он не может начать письмо. Христиане, входя в церковь костел или кирху, снимают головные уборы, а еврей, входя в синагогу, покрывает голову. В католических странах женщины не должны входить в храм с непокрытой головой. В Европе цвет траура черный, в Китае – белый. Когда китаец видит впервые как европеец или американец идет под руку с женщиной порой даже целует ее, это кажется ему чрезвычайно бесстыдным. В Японии нельзя войти в дом, не сняв обуви, в ресторанах на полу сидят мужчины в европейских костюмах и в носках. В пекинской гостинице мебель была европейской, но вход в комнату традиционно китайским — ширма не позволяла войти прямо, это связано с представлением что черт идет напрямик, а по нашим представлениям черт хитер, и ему ничего не стоит обойти любую перегородку. Если к европейцу приходит гость и восхищается картиной на стене, вазой или другой безделушкой то хозяин доволен. Если европеец начинает восторгаться вещицей в доме китайца хозяин ему дарит этот предмет — того требует вежливость. Мать меня учила, что в гостях нельзя ничего оставлять на тарелке. В Китае к чашке сухого риса, которую подают в конце обеда, никто не притрагивается — нужно показать, что ты сыт. Мир многообразен и не стоит ломать голову над тем или иным обычаем если есть чужие монастыри, то, следовательно есть и чужие уставы» (И. Эренбург, Люди, годы жизнь).

Эти картинки национальной специфики обычаев и ритуалов очень характерны. В русском обиходе, в речевом этикете также есть своя национальная специфика, с которой сталкиваются иностранцы, изучающие русский язык. Достаточно упомянуть хотя бы обращение по имени отчеству, которого нет у других народов. Да и вообще вся система обращений ярко национально специфична. Обращение – это самый массовый и самый яркий этикетный признак [138; 142].

Итак, в языке сформировались и сложились в стройную систему единицы речевого этикета, который является составной частью этики как формы и фактора регуляции человеческого общения.

Речевой этикет давно привлекал внимание исследователей. Уже во времена античности были заложены основы его научного освоения. Систематическое научное изучение речевого этикета началось лишь во второй половине XX века (А. А. Акишина, В. Е. Гольдин, В. Г. Костомаров, Дж. Л. Остин, Э. Сепир, Дж. Р. Серль, Л. Стил, Н. И. Формановская и многие другие) и стало продолжением общих тенденций в языкознании, связанных с изучением языка в его функционировании.

Э. Бенвенист отводил единицам речевого этикета особое место и считал их вторичным образованием на базе уже существующего языка. По его мнению, формы вежливости, как и символические обряды не являются самостоятельными системами. Формы вежливости вступают в семиологическое отношение лишь через посредство речи: «протокола», который регламентирует формы вежливости [25].

Речевой этикет – это система устойчивых форм общения, принятых в соответствии с социальными ролями общающихся. Система средств речевого этикета отражает историческое время, культурные особенности, социальные и ролевые нормы межличностного взаимодействия. Эти нормы ситуативны и определяются, например, официальной или неофициальной обстановкой общения. Они отражают очень тонкие различия в выборе того или иного регистра общения, национально-культурной традиции, социально-ролевой нормы выражения взаимного уважения. Области употребления этикетных форм достаточно разнообразны. Это приветствие и прощание, извинение и просьба, благодарность и вежливый отказ, приглашение и поздравление и т.п. в их письменной и устной формах. Это также и комплимент и реакция на него адресата и т.п.

Речевой этикет, таким образом, это сложная знаковая система и как знаковая система является предметом изучения семиотики (науки о знаках). Лингвистическая наука, изучающая социальные аспекты употребления языковых знаков, называется социолингвистикой.

Социальные факторы играют важную роль в жизни языка и особенно ярко проявляются в рассматриваемой микросистеме языка – речевом этикете. Речевое поведение – сложное явление, оно связано с особенностями воспитания человека, его местом рождения и обучения, со средой, в которой он привычно общается, со всеми свойственными ему как представителю социальной группы чертами. Как отмечает Э. Сепир, люди приспособливают свои потребности к непосредственному окружению: *они открыли для себя, что легче всего и, с эстетической точки зрения, предпочтительнее всего подгонять свое поведение под более или менее устоявшиеся формы, за которые никто конкретно не отвечает, природа которых никому толком не ясна. Эти формы, по мнению ученого, столь же явно присущи природе вещей, как пространству присущи три измерения, эти формы социального поведения необходимо осознать для того, чтобы лучше приспособиться к изменившимся условиям* [см.: 45].

Социальные нормы поведения являются необходимым условием существования общества. Они регулируют социальное взаимодействие людей в процессе их практической деятельности. Жизнь любого общества невозможна без соблюдения социальных норм и обычаев, регулирующих общественную деятельность людей. При этом обычаи, к которым и примыкают этикетные правила, являются наиболее древними формами хранения и передачи общественно-исторического опыта человека [19, 163].

Среди этих правил есть нормы, свойственные всему человечеству или группам культур, объединяемым в тот или иной тип цивилизации (такой как цивилизация Юго-Восточной Азии, цивилизация современной Западной Европы и Северной Америки и т.п.), или национальным культурам (на этом

основаны стереотипы поведения, например, *типичного русского, типичного англичанина, француза, американца или китайца* и т.д.). Существуют социальные нормы, относящиеся к субкультурам и социолектам (например, поведение и стиль студенческой молодежи, представителей среднего класса и т.д.) или отдельным людям, составляя неповторимый индивидуально-личностный мир человеческих поступков, мнений и отношений [45].

Специфические нормы поведения проявляются в стиле жизни речевого коллектива и поэтому находят отражение в словарях и в системе паралингвистических средств общения (мимика, жесты и др.) [96; 97].

Все вышесказанное представляет собой фоновые знания, которые определяются как *обоюдное знание говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения* [138]. На проблему существования фоновых знаний «натолкнулись» также исследователи языковых контактов и явления билингвизма. Так же, как языковые акценты, бывают и акценты в отношении культуры, являющиеся следствием интерференции контрастирующих моделей поведения. Преодолеть их бывает так же трудно, как и языковой акцент в речи [136; 137].

Е. А. Найда рассматривает проблему фоновых знаний следующим образом: «Сказать, что слово имеет значение «до свидания», относительно бесполезно, если мы не знаем, при каких обстоятельствах это произносится: в какое время дня или ночи, на какой срок предполагается расставание, с какого рода людьми, до или после других слов прощания, в сочетании с какими жестами, интонацией, голосовыми данными и т.д.» [45, 89].

Социальные нормы поведения связываются с определенным ролевым предписанием (*ролевым ожиданием*), что находит яркое выражение в реализации единиц речевого этикета. Ролевые ожидания – это одна из форм существования социальных норм. Каждой роли приписываются определенные обязанности и права, что находит яркое проявление в употреблении единиц речевого этикета. Тональность речевого поведения в

рамках роли, характер ее исполнения могут существенным образом меняться в зависимости от ряда причин: от степени теплоты взаимоотношений между людьми, от различных социальных условий и ситуаций общения.

В качестве ведущего критерия этикетного речевого общения выступает принцип вежливости. Вежливость как признак или как качество характеризует как речевое, так и неречевое поведение человека. В связи с этим уточняется и современное понимание коммуникативной компетенции говорящего: его речевые навыки и умения, находящие свою реализацию в системе уже обозначенных фоновых или базовых знаний. Как отмечает П. Браун, нормы поведения отражаются в правилах этикета, сводящихся к системе негативных и позитивных стратегий вежливости [154, 46].

Слова и устойчивые словесные формулы речевого этикета, воспроизводимые в типовых ситуациях общения и служащие для выражения вежливого, доброжелательного отношения к собеседнику, представляют самостоятельную научную, культурно-историческую, а нередко и духовную ценность.

Этикетные межличностные отношения строятся на принципе вежливости, выступающем в качестве ведущего критерия этикетного речевого общения. Вежливость как признак или как качество характеризует как речевое, так и неречевое поведение человека, выступая в качестве совокупности этикетных правил поведения человека и его речи, считающихся в обществе наилучшими. Иными словами, категория вежливости отстаивает сформировавшиеся в исторической практике нации, народа идеальные формы межличностного взаимодействия. Она же направляет речевое поведение человека, следующего её нормам, по пути утверждения этих идеалов в повседневной жизни [45].

Поведение личности может быть расценено как вежливое, невежливое, грубое (включая переходные ступени: более и менее). Речь человека может быть оценена собеседниками по шкале — вежливо, невежливо, грубо и т.д..

Таким образом, вежливое поведение человека находит свое отображение в речи. Средства выражения вежливости затрагивают разные уровни языка, такие как лексический, морфологический, синтаксический: формы общения на Ты / Вы – морфологический уровень (*Ты не изменился (лась)* или *Вы такая красивая*); обращения типа: *товарищ, господин* и *молодой человек* или особые формы обращений в китайском общении – лексический уровень. Примерами синтаксического уровня могут послужить целые предложения официальной и бытовой переписки: *Примите мои искренние пожелания; С огромной признательностью к Вам; Целую...; Передавай привет ...* и др.

Значение форм вежливости для успешной коммуникации оценивается по-разному, но большинство исследователей сходятся на том, что они передают общественные (в самом широком смысле этого слова) отношения между говорящим и слушающим. По мнению исследователей, коммуникативный контекст, влияющий на выбор формы выражения вежливости, включает такие признаки ситуации общения как взаимоположение коммуникантов (равное, выше, ниже), степень социально-психологической дистанции (далекая, близкая), обстановку общения (официальная, неофициальная, непринужденная) [43].

Социальная определенность ситуации общения в целом и понимание коммуникантами собственной социальной роли, реализуемой в данной ситуации общения, а также роли партнера, есть та первоначальная платформа, которая является обязательным условием для любого общения. При непосредственном общении мы пытаемся определить социально-ролевую принадлежность собеседника, так как это позволяет сформировать его образ, построить гипотезы относительно его дальнейшего поведения и создать план взаимодействия.

Общественные отношения между людьми находят свое отражение в любом языке, однако происходит это по-разному. Заметим, что все показатели, которые характеризуют человека, как члена определенного

социума, зависят также и от национально-культурных особенностей его страны или региона. Именно это наделяет средства речевого этикета национально-культурной спецификой. Как отмечают А. А. Акишина и Н. И. Формановская, формулы речевого этикета, которые буквальным образом пронизывают нашу речь, являются элементами культуры. Они используются в целом ряде самых разнообразных стандартных речевых ситуаций общения, в которых находит непосредственное отражение своеобразие национальной культуры и других составляющих той или иной цивилизации [см.: 2; 3]. Богатейший и разнообразный состав вербальных и невербальных знаков вежливости позволяет увидеть и ее национально-культурную специфику [см.: 96].

Национально-культурная специфика некоторого явления того или иного языка определяется относительно другого языка. Этот подход может быть назван сравнительным или сопоставительным, если он учитывает не все межъязыковые различия, а лишь те из них, которые являются не случайными и имеют культурно обусловленные причины или культурно значимые следствия. В других случаях, речь может идти о представлениях носителей языка, о национальной маркированности единиц того или иного языка вне его сопоставления с другими языками [см.: 77].

Исходя из этого, сопоставительное описание комплимента предполагает поиск и определение его своеобразия в русском и китайском речевом общении. Это своеобразие или национально-культурная специфика комплимента должна носить не случайный характер и иметь культурно значимые причины.

Главной функцией комплимента, как средства речевого этикета, является установление и поддержание контакта между собеседниками. Кроме этого, как уже отмечалось, комплимент может выполнять и другие функции.

С помощью комплимента говорящий может удерживать инициативу в процессе общения. При помощи комплимента можно также перевести

внимание собеседника на другую тему общения и т. п. Если же говорить только о русском комплименте, то его функциональные возможности практически не ограничены. В отличие от китайского комплимента, частотные характеристики которого, по сравнению с русским, довольно низки, русский комплимент, вступая во взаимодействие с другими формами речевого этикета, выполняет вместе с ними самые разнообразные функции. Например:

– *Ребята, давайте выпьем за нашу дружбу. А?*

– *Умница, умница! Красиво говоришь! Ты прирождённый оратор!* [см.: 67, 179].

Помимо выражения согласия, в данном примере значение комплимента может выражать как собственно комплимент, так и оценку произнесённого тоста, намёк или иронию, выражающую несогласие с говорящим. Комплимент может быть использован в качестве издёвки или насмешки. В этом случае вербализованные в ложном комплименте признаки адресата противопоставляются подразумеваемым у него реальным свойствам.

В ответ на тривиальное суждение:

– *Вы мыслите весьма оригинально...* [67, 187]

Комплименты в сочетании с другими тактиками становятся компонентами комплексных средств выражения благодарности, похвалы, признания, прощения и др. со свойственными им собственными функциями.

Например:

1) Комплимент-благодарность:

В парикмахерской:

– *Спасибо, Всеволод, ты просто чародей!* [67, 192]

В китайском речевом общении также комплимент может выступать в качестве формы выражения благодарности, дополняя её. Например:

– ... Так что желаю тебе поступить в хороший университет.

– *Спасибо тебе, сестра Чэн. Ты очень добрая* [279, 48].

2) Комплимент-просьба:

– *Ты говори что-нибудь, а я буду смотреть на тебя* [67, 192].

На первый взгляд говорящий просит адресата что-то делать, а на самом деле, он делает комплимент. Адресант косвенно выражает симпатию к собеседнику путём особенности организации комплимента.

3) Комплимент-одобрение:

– *Вика, я решил поступать в Московский универ.*

– *Что ж, с твоим умом и упорством можно решиться. Желаю успеха* [67, 190].

Здесь говорящий поощряет собеседника своим комплиментом.

4) Комплимент-похвала

– *Вы всегда поражаете меня своей пунктуальностью.*

– *Спасибо за комплимент...* [67, 172]

Говорящий, может быть, с искренностью похвалил собеседника, но адресат принял его похвалу как комплимент. С одной стороны, он согласился с собеседником, с другой стороны, его ответ стал выражением скромности.

Итак, функции комплимента разнообразны. В речевом общении гибкое использование свойств комплимента позволяет достичь разных, иногда противоположных, целей, не выходя при этом за пределы речевых стандартов вежливости.

Категория вежливости предполагает как употребление комплимента в речевом взаимодействии, так и определенную ответную реакцию на него. В этой двусторонней структуре комплимента позиция адресата приобретает важное значение.

Фактор адресата играет огромную роль в процессе формирования содержания комплимента и его завершенности. Именно ответная реакция адресата показывает, чем оказалось произнесённое высказывание и, если комплиментом, то – каким (успешным или наоборот) [180].

В большинстве работ по проблемам речевого общения присутствует представление о комплименте, как об однонаправленном речевом акте. Складывается представление, что партнер по речевому общению выполняет пассивную функцию, является объектом воздействия со стороны говорящего. Отсюда, на наш взгляд, вытекает узкое представление о комплименте, как об исключительно манипулятивном средстве, способе выражения лести, похвалы в адрес собеседника. Мы придерживаемся несколько иной точки зрения, в соответствии с которой речевое **воздействие** и речевое **взаимодействие**, являются неотъемлемыми компонентами единого коммуникативного процесса. В психологии общения и психолингвистике закрепилось мнение, согласно которому коммуникатор — это тот участник общения, который инициирует общение, направляет его, оказывает воздействие на другого участника общения – реципиента (получателя сообщения), отличающегося определенной пассивностью. Мы разделяем позицию, в соответствии с которой отмечается, что сама активность коммуникатора — это проявление его обратной зависимости от реципиента, точнее говоря, от каких-то будущих продуктов деятельности реципиента вне ситуации воздействия. Взаимная активность участников взаимодействия есть в таком случае проявление взаимной зависимости друг друга от продуктов будущей деятельности друг друга вне ситуации взаимодействия [см.: 38].

На наш взгляд, именно такой подход позволяет рассмотреть комплимент не только в системе речевых жанров в качестве регулятивного средства речевого поведения, но и выявить, что важно для заявленной темы, его национально-культурную специфику в системе указанных средств при сопоставлении русского и китайского речевого общения.

Таким образом, как речевое явление комплимент состоит из двух частей – комплимент адресанта и реакции адресата.

Акт адресата определяет успешность комплимента. Типы реакций адресатов в русской речевой культуре можно разделить на три группы.

1) Принятие комплимента включает в себя вербальное и невербальное согласие с высказанной оценкой. Адресат может сказать «*Спасибо*», «*Спасибо за комплимент*», «*Я рад(а), что вам понравилось...*», ответить комплиментом, наконец, улыбнуться, поблагодарить взглядом, жестом и т.п.

2) Этикетное несогласие с комплиментами выражается репликами типа: «*Ну что вы, какая я красавица...*», «*Вы мне делаете комплимент*», «*Вы мне льстите*», «*Это только комплимент*» и т.п.

Покажем это на примерах из китайского речевого общения:

– *Ты на самом деле красива как нарцисс!*

– *Спасибо! Сколько лет не слышала от тебя такого комплимента!*

[295, 149].

– *...Госпожа действительно замечательный предприниматель!*

– *Остановитесь! Хватит меня расхваливать! У меня может закружиться голова!* [281, 147].

3) Отклонение комплимента. Адресат либо словесно выражает свой отказ от комплимента, либо *не замечает* его, либо не соглашается с адресантом, выражая это невербальными средствами. Причина отклонения состоит в том, что адресант нарушил условия успешности комплимента.

По мере социального развития и процессов культурного обмена китайцы постепенно привыкают к комплиментам, учатся их делать и принимать в разных ситуациях межличностного речевого взаимодействия. До сих пор, однако, общей закономерностью остается отрицательная реакция на комплимент или отказ от его принятия [221, 368 – 369].

Здесь мы хотели бы вернуться к уже представленному выше примеру с рекомендациями в адрес приезжающим в Китай иностранцев относительно их ответной реакции на комплимент.

Отмечая сходство комплиментов в русской и китайской речевых традициях, необходимо отметить и различия. Так, типы ответной реакции на комплименты в сопоставляемых культурах во многом сходны, различия же

касаются не столько каких-либо частных, сколько принципиальной оценки комплимента и связанных с его функционированием национально-культурных представлений. Как уже отмечалось, русские склонны как делать комплименты, так и их принимать в соответствии с нормами русского речевого этикета, руководствуясь при этом соображениями вежливости. Китайцы же в аналогичных ситуациях предпочитают руководствоваться не столько этикетом, сколько основополагающими этическими принципами, в соответствии с которыми основной добродетелью китайца является его скромность. Рассмотрим некоторые примеры.

– *Честно говоря, я так нарядилась для того, чтобы погулять с тобой сегодня. Раньше, когда я познакомила сестрицу Шэн с другом, я не смела так одеваться. Угадай! Почему?*

– *А почему?»*

– *Сестрица Шэн как палка... И чёрная, и худая. Если бы я нарядилась, разве это не поставило бы её в неловкое положение [297, 108].*

– *Ли-джу, то, что мой братишка женился на такой жене, как ты, это, просто, дар, который он заслужил в прошлой жизни. Я видел очень много семейных пар, хотя сам был холостым всю жизнь. Такие супруги, как вы редко встречаются, Ли-джу! Очень редко! [254, 60].*

В соответствии с буддистскими принципами всё хорошее, чего достигает человек, является результатом цикла перерождений. Поэтому, с одной стороны, обесцениваются собственные заслуги в достижении значительных результатов, а с другой, сама скромность является добродетелью, обеспечивающей будущие успехи.

Скромность заставляет китайцев не только отказываться от принятия комплиментов. Она является руководством к действию, как это видно из предыдущих примеров.

Тётя : Чем старше твоя дочь станёт тем красивее она выглядит.

Мать : Это ты перехвалила.

(Из записей разговорной речи)

– *Очень красиво! У тебя неплохая прическа.*

– *Это называется причёска? Уже одиннадцать месяцев я не завивала волосы. Очень дорого!* [316, 39].

Отказ от комплимента не означает, однако, что общение коммуникантов в этом случае прерывается. Их разговор может быть продолжен. Приведём пример из китайского речевого общения:

– *Твои руки очень красивые.*

– *Не шути! Как руки могут быть красивыми у таких людей, как мы?* [314, 98].

– *Ой! Учитель Ли меня перехвалил. Как я могу с этим согласиться? Я ничего не умею и полностью завишу от вашей помощи, помощи интеллигентов в кругу культработников. ...Не так ли?* [321, 150].

Форма ответа, нередко выглядит как оценка неудавшегося комплимента. Говорящий отвергает комплимент собеседника, но последний не чувствует себя при этом отвергнутым, и общение продолжается. Речевое поведение в этом случае объясняется тем, что китайцы, следуя принципу самоуничижения, считая, что это, с одной стороны, позволяет избежать самовосхваления, а с другой, и является как раз формой выражения их уважения к собеседнику.

С точки зрения принципа вежливости, русские и китайцы отличаются в оценках, которые приняты в ситуации принятия комплимента. При этом русские исходят из принципа кооперации: ты сделал комплимент, я его принял. Тогда как китайцы руководствуются принципом скромности: ты сделал мне комплимент, но я его не достоин. При этом и те, и другие находятся в поле категории вежливости, не нарушая принятых в национальных культурах этических норм.

Отсюда следует, что в силу исторически сложившихся социально-культурных норм речевого поведения должно получить уточнение и понятие

коммуникативной неудачи. Успешность комплимента в китайской лингвокультурной среде определяется, скорее, его контактоустанавливающей функцией. Словесный отказ от комплимента не снижает его ценности как средства фатической коммуникации. В русском речевом общении комплимент выполняет роль не только средства установления контакта, но и создания благожелательной атмосферы общения, установления ситуации взаимопонимания. Это взаимопонимание должно быть достигнуто на словесном уровне и констатировано в репликах кооперативного диалога, регламентированных русским речевым этикетом [47].

Итак, отвечая на комплимент, китайцы констатируют исторически сложившуюся норму межличностных отношений, выражением которой является демонстрация собственной скромности. Приоритетом в подобной ситуации в русском речевом общении является выражение взаимопонимания, утверждение принципа кооперации, выражением чего становится утвердительная конструкция взаимного согласия. При этом и те, и другие действуют в соответствии с принятым в соответствующих культурах пониманием вежливости и нормами национального речевого этикета.

5.2. Речевое поведение и комплимент в зеркале традиционной культуры Китая.

Умение выразить похвалу или одобрение в адрес собеседника занимает в китайском речевом этикете своё определенное место. Положительная оценка достоинств предполагает, во-первых, их выделения, а во-вторых, словесного выражения этой оценки, находящейся в соответствии с закрепленными в социуме нормами вежливости. Предписания этикета указывают на необходимость избегать разговора на темы, которые могут задеть другого, поставить его в неловкое положение. Эти же предписания

указывают и на отличия лести и похвалы, на чем мы уже останавливались. В качестве похвалы рассматривается и комплимент. Говорить комплименты – это значит говорить людям то, что может их порадовать [181].

Комплимент – это важное и необходимое средство коммуникации. Он является многофункциональным социально-речевым образованием и может выполнять разнообразные функции в различных социальных ситуациях повседневно-бытового или делового общения [221, 370]. В китайском языке выражение «сделать комплимент кому-либо» означает также «надеть высокую шапку на кого-либо» [235]. Одной из наиболее важных функций китайского комплимента является стремление к тому, чтобы собеседник комфортно чувствовал себя во время беседы. Это требование сложилось как следствие поиска гармонии взаимоотношений, рассматривающейся в системе мировоззренческих принципов в качестве составляющей части гармонии внутреннего и внешнего мира [221, 371 – 372].

Наиболее высокую оценку в китайском речевом общении получает не прямой, а косвенный комплимент. Умение делать тонкие, завуалированные комплименты свидетельствует об овладении говорящим искусством словесного общения. Это находится в соответствии с классическим каноном китайского искусства, когда ценность того или иного произведения определяется некоторой долей скрытости, неявности выражения. Это дает возможность адресату/зрителю насладиться полутонами, тонкостью и изяществом формы, оценив в деталях тонкость её выражения.

Косвенная форма комплимента в наибольшей степени близка к традиционным представлениям китайцев о красоте и гармонии. Да и в функциональном плане такой комплимент является более действенным, нежели комплимент прямой и в этой прямоте незамысловатый. Кроме того, скрытый, неявный комплимент часто не требует прямого ответа от адресата,

следовательно, не ставит его в неловкое положение из соображений скромности.

В китайском обществе до сих пор существует и незримо поддерживается социальная иерархия межличностных отношений. И если люди одного социального класса могут обмениваться прямыми комплиментами, то комплимент в адрес начальства, может прозвучать неестественно, неискренне. О таком комплименте говорят, что его сделавший *хлопнул зад лошади*, то есть польстил в желании угодить адресату, тогда как подхалимство, как известно, не украшает человека. Однако бывают ситуации, когда комплимент необходим, и скрытый комплимент здесь оказывается на своем месте. В любой ситуации скрытый комплимент более предпочтителен: адресату его легче принять, пусть даже и оставив без ответа, а для адресанта – это возможность остаться вне подозрений в подхалимстве и, сказав комплимент, при этом не *хлопнуть зад лошади*.

В традиционном китайском обществе очень сильны коллективистские установки, что находится в противоречии с тенденциями, существующими, например, в общении представителей западноевропейских культур с их более выраженными тенденциями к индивидуальной модели поведения. Это объясняет, почему китайский комплимент в качестве адресанта нередко имеет ссылку на некое третье лицо: *говорят, что...: слышно, что...; публике нравится...* и т.п. Такой комплимент, по мнению китайцев, обладает большей убедительной силой, нежели выраженное кем-либо частное мнение. Он дает возможность адресату почувствовать себя полноценным и достойным членом коллектива, принимая высказанную положительную оценку [181].

Ещё в начале двадцатого века американский психолог У. Джеймс (W. James) отмечал, что стремление получить комплимент, пользоваться расположением и уважением других является одним из естественных, хотя и скрываемых в душе, желаний человека. В китайском языке выражение

«сделать комплимент» означает *надеть высокую шапку на кого-л.*, то есть высоко оценить достоинства собеседника, выразить своё одобрение, похвалить. При этом важно следить за тем, чтобы размер и *высота шапки* хотя бы приблизительно соответствовали голове. Иными словами, комплимент вызывает чувство удовлетворения адресата, когда он отвечает определенным требованиям или критериям успешности.

К тому, что уже было сказано по этому вопросу, можно добавить еще несколько замечаний.

1. Комплимент, который не высказан прямо, а услышан, якобы, будучи лишь переданным из уст собеседника, в силу сложившихся традиций и менталитета китайцев более эффективен, чем прямо высказанная похвала. Сделать комплимент *чужими устами* (О. М. Иссерс), *за спиной* собеседника – это требует определенного речевого мастерства и тонкого понимания человеческой психологии. Такой комплимент считается наиболее привлекательным и самым эффективным средством оказания нужного воздействия на собеседника.

2. Нельзя разбрасываться комплиментами. Лучше не затрагивать в разговоре с малознакомым человеком серьезных тем, обсуждение которых может вызвать его недовольство. Общение может становиться более тесным, если Вы *нашли любимый комплимент* собеседника.

3. Нельзя в разговоре открыто и прямо льстить собеседнику. Нужно, указывает китайская пословица, *посылать уголь в зимнюю стужу*, не пытаюсь хорошее сделать ещё более хорошим. Умеренность и уместность комплимента могут стать одним из критериев его успешности.

4. Комплимент должен быть оригинальным и не повторять всем известные речевые штампы. Такая оригинальность высоко ценится женщинами, поскольку подчеркивает их индивидуальность [240].

5. Комплимент должен быть точным попаданием в цель: *один ключ – от одного замка*, – говорит китайская пословица. Отклонение от цели, комплимент не по адресу, может вызвать реакцию, противоположную запланированной. Для человека, которого вы первый раз видите, не будет уместным, например, комплимент о его качествах характера, поскольку эти знания требуют более продолжительных отношений. Тогда как комплимент, связанный с известными вам его заслугами, успехами и т.п., будет звучать заслуженно и достаточно конкретно.

6. В специальной литературе находим рекомендации, как сделать комплимент наиболее точным и конкретным, избегая общих выражений и клише. В этом может помочь учет следующих характеристик адресата: его общественное положение и статус; его возрастные особенности и разница в возрасте собеседников; территориальная принадлежность; принадлежность к профессии; особенности и различия в уровнях воспитания, культуры, увлечения и интересы и т.п. [195]. С другой стороны, высказывается мнение, что комплимент в туманных выражениях является одним из хороших способов расположить к себе собеседника. Психологи полагают, что в этих ситуациях адресат склонен к положительной оценке содержания комплимента, интерпретируя туманность его значения в свою пользу [195].

7. Некоторые источники советуют говорящему комплимент не бояться потерять своё лицо, чтобы в выгодном свете представить лицо собеседника [195]. Стремление к самоуничижению в общении, принижение своих достоинств, как уже отмечалось, также соответствует традиционной модели поведения китайцев, демонстрируя их скромность как одну из социальных добродетелей.

8. Мужчины и женщины требуют разных комплиментов в соответствии с их жизненными установками и целями. Если мужчина стремится к самореализации в профессиональной сфере, к самоутверждению среди друзей,

для чего необходимы определенные качества характера, физические данные, навыки и умения, создающие требуемый социально-ролевой имидж, то для женщины нередко первостепенным является красота *зримого очарования* её внешнего облика, семейное благополучие и т.п. со всеми, разумеется, поправками и частностями. Каждый мужчина хочет получить комплимент от женщины, расценивая его в качестве положительной оценки личного обаяния. Косвенный комплимент в этом случае наиболее соответствует модели общения *женщина - мужчина*, позволяя женщине в этом случае не выходить за пределы традиционных норм этикета. Женщины не всегда склонны к открытому выражению своих чувств и эмоций в адрес мужчин. Тем более, если комплимент может обнаружить что-то личное или может быть неверно истолкован. Косвенный комплимент как раз позволяет китайской женщине в некоторых ситуациях следовать принятым нормам традиционной морали, не оставив при этом мужчину без внимания. В технике комплимента, обращенного к представителям противоположных полов раскрывается, актуальный сегодня в общественных науках, так называемый гендерный аспект функционирования рассматриваемого речевого жанра [195, 71 – 75].

Женщина, делая комплимент другой женщине, демонстрирует тем самым своё положительное отношение к её внешним данным, качествам характера, индивидуально-личностным качествам, профессиональным данным, умению вести хозяйство и кулинарному мастерству и т.п. При этом эмоциональная сфера контакта составляет основу речевого взаимодействия [195, 88 - 99]..

Традиционный и типично мужской комплимент *Ты красивая!* в адрес женщины в Китае прошёл долгий и интересный путь. До 1949-го года, ни один мужчина из простого сословия не посмел бы говорить с женщиной таким образом. Это высказывание было бы воспринято как легкомысленное или даже как хулиганство. После движения 4 Мая только сравнительно

небольшое количество мужчин, главным образом среди интеллигенции и тех её представителей, которые стремились следовать модным тенденциям, могли обратиться к женщине с такими словами. После реформы, в результате политики открытости, так начали выражать свои эмоции и простые мужчины, а женщинам ничего не оставалось, как принять такой комплимент. Принято считать, что в этих словах в речевое поведение проникает стремление китайцев к эстетическому восприятию и любованию красотой [181]. Однако, надо заметить, что внедрению в речевой обиход данного выражения предшествовали определенные социально-политические сдвиги в обществе, а также повышение общего уровня жизни. Можно предположить, что речевое поведение на данном конкретном примере отражает основные общественные тенденции и отношения внутри социума. Своего рода раскрепощённость речевого поведения является отражением демократизации общественной жизни страны и следствием либерализации её экономического уклада.

В китайском языковом сознании слово *комплимент* нередко используется с отрицательной окраской. Это имеет свои исторические и культурные корни и традиции, уходящие в глубь веков и сложившиеся более двух тысяч лет назад. Основы китайской традиционной модели мышления и этикета берут своё начало в конфуцианстве. Китайцы испокон веков считают конфуцианство основой своего миропонимания и следуют учению Конфуция в своем стремлении к совершенству. В книге «Лунь юй» («Суждения и беседы») записаны диалоги Конфуция с его учениками, и некоторые из них касаются аспектов речевого поведения, в которых находит своё место и комплимент, под которым понимаются *слова (речь), произнесенные с целью угодить собеседнику*: 子曰：「巧言令色，鮮矣仁。」 [178, 4]. Далее это определение уточняется: *Учитель сказал: У людей с красивыми словами и притворными манерами мало человеколюбия.* (子曰：「巧言、令色、足恭，左丘明恥之，丘亦恥之。匿怨而友其人，左丘明恥之，丘亦恥之。」 [178, 96].

Отсюда видно, что Конфуций непосредственно отрицал такую форму поведения, при которой человек говорит лестные слова с угодливым выражением на лице, желая из корыстных побуждений польстить собеседнику. Поведение, при котором, *затаив обиду, набиваются в друзья, прекраснородушные речи и притворные манеры, чрезмерная угодливость* вызывают стыд и отвращение, но не уважение и симпатию Учителя. В этих ситуациях говорящий лишь делает вид, что думает о собеседнике, на самом же деле он полностью поглощен своими интересами. Корысть и выгода становятся главной причиной, заставляющей его говорить *красивые слова*. Речь в этом случае превращается в инструмент, при помощи которого говорящий манипулирует собеседником. По этой причине добропорядочный и скромный последователь Конфуция не стремится в своем речевом поведении к красивым речам. Его слова, как и манеры поведения, скромны и безыскусны. Именно такое отношение к жизни и именно такого рода нравственные установки в течение длительного времени формировали менталитет китайцев. Они же сформировали в традиционной культуре национальную модель поведения, находящуюся в соответствии с установками конфуцианской морали.

Похвала должна быть заслужена: 子曰：「吾之於人也，誰毀誰譽？如有所譽者，其有所試矣。斯民也，三代之所以直道而行也。」 [178, 340 – 341].

Учитель сказал:

— Из тех людей, с кем я общался, кого я хулил и кого хвалил? Если я и хвалил кого, то только испытал на деле. Так поступал народ Трех династий, поэтому все Три династии шли праведным Дао Путем.

Те, кто получал положительную оценку от Конфуция, заслужили его похвалу своими поступками и делами. Как критика, так и комплимент должны быть обоснованы.

Обратимся к еще одному фрагменту:

子曰：益者三友，損者三友。友直，友諒，友多聞，益矣。友便辟，友善柔，友便佞，損矣。 [178, 340 – 341].

Конфуций сказал:

— Три вида дружбы приносят пользу и три — вред. Когда дружишь с человеком или прямым, или честным, или обладающим большой проницательностью, — это приносит пользу; когда дружишь с человеком или неискренним, или изворотливым, или бойким на язык, — это приносит вред.

Среди этих типов друзей «человек неискренний» именно, такой человек всегда льстит, заискивает другому. «Человек изворотливый» — типичный двурушник /.../ [177, 70].

Из этих поучений видно, что комплимент вызывает настороженное отношение учителя к тому, кто его произносит. Поэтому поведение такого рода вызывает неодобрительное отношение.

Кроме Конфуции, Мэн-цзы тоже высказывает своё мнение относительно роли и места комплимента в общении. Он считает комплимент инструментом или тактикой для убеждения собеседника. С точки зрения Мэн-цзы, комплимент является средством достижения успеха. В книге «中國古典人際學 (Исследование китайских классических отношений между людьми)» рассматриваются приемы убеждения Мэн-цзы. Одним из таких приемов является употребление лести. Вызывает антипатию, если в самом начале беседы говорящий говорит всё наперекор слушателю. Поэтому говорящий должен сделать слушателю комплимент, чтобы его собеседник захотел рассказать то, что он хочет [181, 140].

Китайцы стараются соответствовать благородным манерам поведения, поэтому с некоторым недоверием относятся к комплиентам и относительно

редко обмениваются ими, чтобы избежать подозрений в корысти, лести или заискивании перед собеседником. Социальные нормы поведения в этом случае поддерживаются и социальными же формами контроля, требующими от членов общества бережного отношения к своему социальному статусу и общественному имиджу.

Еще одним из факторов, определяющих отношение китайцев к комплиентам, являются, на наш взгляд, особенности национальной культуры. Так, Суэн Лон-ци (孫隆基) указывает на самоуничижение китайцев, что находит своё отражение и в традиционной модели воспитания. В отличие от иностранных родителей, китайские редко выражают в открытой словесной форме любовь и восхищение своими детьми. Следствием такого отношения к детям становится поведение последних, направленное на отказ от личных достижений в угоду общественным. *Держать нос по ветру и быть терпеливым ко всему* – становится лейтмотивом их развития в юности [208, 238]. С другой стороны, если ребенок в семье не слышит комплиментов, он и не учится их делать в адрес других. Цитируемый автор добавляет к сказанному, что традиционное китайское образование и воспитание не столько формирует в ребенке личностное начало, крепкую индивидуальность, сколько учит, как её скрыть от постороннего взгляда других людей. Это находится в соответствии с нормами конфуцианской этики и морали: неудобно не только восхвалять другого, но и самому себе давать положительную оценку [208, 238]. Соображения скромности требуют от человека не выставлять свои индивидуальные личностные достижения [217, 178]. Отсюда вытекает еще одна особенность национального китайского речевого поведения: китайцы не стремятся и не умеют выразить и отстаивать своё мнение. В речевом общении они предпочитают угодить другому, принять его позицию и привыкают, таким образом, заискивать. Суэн Лон-ци (孫隆基) отмечает, что неразвитая личность ориентирована на смену своей

личностной позиции в пользу таковой у собеседника. Такой человек стремится к получению выгоды в угождении вкусам, интересам, оценкам, взглядам и т.д. другого.

Нередко до тридцатилетнего возраста молодые китайцы ведут себя инфантильно. Они послушны, несколько наивны в житейском плане, часто не имеют собственной жизненной позиции и не готовы идти наперекор не только общественному мнению, но и мнению другого. Вступая в общественную жизнь, становясь полноправными членами общества, они нередко, по мнению цитируемого автора, едва ли не полностью утрачивают свою индивидуальность [208, 178].

Итак, мы попытались показать, что, подчиняясь требованиям традиционной культуры, китайцы не владеют в достаточной степени умением делать комплимент. Комплимент в их сознании уступает место манипулятивной тактике лести, заискиванию для собственной выгоды. Из-за этого даже искренний сердечный комплимент легко может быть воспринят как лесть и нередко именно так и интерпретируется. По этой причине в китайском речевом общении присутствует недоверие и подозрительность к комплименту, что, естественно, сужает его функциональные рамки.

Тем не менее, в современном китайском обществе комплимент занимает своё важное место, о чем свидетельствуют следующие констатации: «Всем нравится получать комплименты. Если вы к месту и ко времени делаете комплимент, адресат порадуется и вы почувствуете его расположение к вам»; «Умение говорить комплимент делает приятным общение и не понижает общественного статуса говорящего. Умение говорить комплименты – важная житейская задача» [212, 220].

В современном этикете, комплимент считается одним из эффективных способов создания и укрепления хороших взаимоотношений, а так же одним из средств и инструментов успешной коммуникации. Сегодня комплимент

уже стал элементом вежливости и его часто употребляют на начальной стадии общения. В современном китайском общении комплимент постепенно занимает подходящее ему место, что делает актуальным изучение его функциональных особенностей.

5.3. Речевая культура Древнего Китая и Руси: основные источники и особенности формирования национального риторического идеала.

Общение предполагает знание и следование тем правилам, которые выработывались на протяжении многовековой истории предшествующими поколениями, оформившись в некий образец успешного бесконфликтного диалога, основанного на культурно и исторически сложившихся нормах и принципах социального взаимодействия. Вся совокупность указанных представлений оформляется в коллективном сознании, в сознании того или иного этноса, в виде идеального образа их отражения, в виде национального риторического идеала [93]. Риторический идеал отвечает общим представлениям национально-языкового коллектива об эстетической и нравственной форме социального взаимодействия, а его формирование в культуре есть тот исторический процесс, в ходе которого протекает становление самого общества.

Понятие риторического идеала очень важно потому, что оно дает представление о том, что такое образец в общении, как должно происходить гармоничное речевое взаимодействие людей, каковы общие требования к их речи и речевому поведению [92; 93; 95].

Лучшие речевые образцы неизбежно несут в себе черты риторического идеала, полностью отражая систему тех нравственно-этических представлений и ценностей, которые свойственны конкретной национально-

языковой общности и являются результатом их коллективного осмысления в памяти поколений [81; 82; 93]. Сказанное требует обращения к тому историческому пути нации, который был пройден в ходе её становления. При этом параллельно проходил и процесс формирования речевой культуры.

Монархический строй, характерный для Китая, и отсутствие полисной демократии создали специфичные, по сравнению с Древней Грецией, условия становления китайской риторики (искусства публичной речи), направив формирование теории и культуры речи по другому, собственному, пути [1; 5; 6; 48; 84; 86].

Борьба царств и княжеств в Древнем Китае требовала укрепления монархического строя в каждом из них. Потребность в принятии быстрых политических решений удерживала у власти ученое сословие. Крестьянство же, составляющее основную массу населения, должно было обеспечивать материальные ресурсы общества. Борьба между царствами и княжествами велась за землю и за привязанных к ней как средству своего существования крестьян, главную производительную силу Древнего Китая.

Большие и малые монархии стремились к самоутверждению в этом политическом и военном противостоянии, что требовало от их вождей воли и мудрости в принятии политических, военных и хозяйственных решений. Любое решение и его осуществление может иметь лишь временные положительные результаты, которые позже превращаются в отрицательные последствия, поэтому решения должны были быть дальновидными. Поэтому и монарху требовался особый орган управления и власти, совет, и советники, которые коллективно и выработывали бы определенные решения. Каждый монарх формировал думу из министров и советников. Дума обсуждала и обосновывала решения проблем, предложенных монархом. Советники принадлежали к ученому сословию, формирование которого проходило в таких условиях.

Эта структура государственного устройства казалась естественной и вечной. Её основой была личность монарха, его обязанность и способность принимать и проводить решения. Народ (крестьяне и посадские люди) могли саботировать любое решение, отказаться от его исполнения, наконец, открыто взбунтоваться. Это требовало от монарха и его органов управления в условиях внешних вызовов и внутренних угроз мудрости, прозорливости и тщательности принимаемых решений [84; 86].

Древние летописные источники дают образцы для подражания: «Великий добродетельный король Юй, основавший династию Ся, никогда не хвастался и никогда не проявлял гордыню. Обычно он говорил: «Всеобщее достоинство заключается в учении!» Когда ему предлагали совет, Юй кланялся, чтобы выразить свою благодарность» [239].

Император Тайцзун (599 - 649 гг. н. э.) династии Тан достиг величия, прилагая большие усилия, чтобы не злоупотреблять своей неограниченной властью. Он частенько говорил: «Разумный правитель становится все более и более мудрым, задумываясь над собственными недостатками, а неразумный останется глуп навсегда, скрывая их». Император Тайцзун поощрял критику в свой адрес. Именно поэтому во время его правления (эра Чжэнюань) было много способных советников, свободно высказывавших своё мнение, и его администрация стала одной из немногих не подверженных коррупции [239].

Критерием прозорливости решений служили прецеденты. Поэтому китайская культура хронологична и топонимична. О любом событии было известно, когда и где оно произошло. Счет времени велся двойной: по годам существования государства, с момента его основания и по сегодняшний день, и по шестидесятилетним циклам, которые, по-видимому, связаны с сроком смены поколений и сроками изменения стилей. "Тринадцатиканонье" (*Шисань цзин*) содержало необходимые для этого разделы: прогностика, песни народа, история (история принятия государственных решений в виде полемики в думах), государственные ритуалы и их части (государственная

литургики), этика и особый тезаурус (словарь), воссоздающий картину мира [48].

Песни (шицзин) нужны были для того, чтобы знать народные нужды; *история* предоставляла прецедентные случаи обсуждения и принятия государственных решений; *этика* содержала сведения о содержании образования и уровне воспитания общества, предписывала обязанности монарха и правительства; *ритуалы* составляли главное средство этического воспитания, а *тезаурус* служил целям нормирования языка и систематизации знаний [48].

Таким образом, все составные части, характеризующие феномен риторики, отмеченные у античных греков, существовали и в Древнем Китае.

Принятие решений происходило в ученом аристократическом кругу, что выдвигало определенные требования к речам: предельный лаконизм, интеллектуальная насыщенность, сдержанность страсти и личная ответственность за каждое произнесенное слово.

Такая речь требовала серьезной умственной и психоэмоциональной подготовки в соответствии с древними медитативными практиками, так как наиболее важным аспектом таких речей была их прогностическая ценность. Тот, кто прозорливей в своих прогнозах, тот лучше угадывает развитие стиля и, следовательно, способен дать лучший совет монарху в согласовании интересов государства и народа, в установлении меры справедливости и гармонии в будущем. Это делает монархию конкурентоспособной в противостоянии внешним вызовам. Важнейшим инструментом управления государством на вооружении монарха и его аристократического окружения была поддержка и развитие новых стилевых течений.

Стилевые течения или тенденции при их поддержке монархом должны были умиротворять народ, а вместе с тем и поддерживать трон, собирать и консолидировать общество вокруг него и тем самым укреплять государство. Толкование или разгадывание направлений стиля и соответствующий его

прогноз требовали от ученого и монарха детального изучения и знания исторических прецедентов. Кроме того, данная специфика в принятии решений требовала и особенных личностей с определенными физическими и нравственными особенностями воспитания и самовоспитания. Специфика выдвигаемых к древнекитайскому ритору требований состояла в его умении сочетать в себе наблюдательность и *солилоквию* (риторику внутренней речи), дающую особую ясность сознания [48].

Наконец, древнекитайский ритор – это, конечно, философ, риторика неотделима от философии и составляет с ней одно целое. Древнекитайский ритор нуждался в позитивных знаниях по медицине, математике, географии, астрономии, истории, этике, наконец, прогностике. В то же время развитие и совершенствование стиля речи требовало от него усилий в поэзии, поэтому изучение поэзии и поэтическая практика составляли одну из важнейших частей его подготовки к государственной службе и карьере [84].

Стиль и его компоненты, историческая уникальность конкретного момента и способность к охвату и осмыслению всей информационной базы функционирования общества составляли ядро философской и речевой практики Древнего Китая. Развитие стиля и внимание к стилеобразованию требовало постоянных усилий в изучении культуры и обращении к древности ("фугу"), так как стиль понимался, как то новое, что основано на свернутой и систематизированной форме истории, то есть на культуре [238].

Ни одна реальная попытка описания или хотя бы перечисления всех факторов и источников формирования речевой культуры Китая, вероятно, не будет полной и завершенной. Тем более, не претендует на это и наш краткий обзор. В данной части работы мы лишь хотим указать наиболее значимые социально-исторические условия и нравственно-этические установки, сформировавшие ту культурно-речевую модель социального взаимодействия, которая и определяет до сегодняшнего дня основные закономерности

речевого поведения членов китайского общества и его культурно специфичный национальный речевой идеал [92; 93].

Формирование речевой культуры Китая проходило под влиянием всех наиболее значимых для его истории философско-религиозных доктрин и учений. Конфуцианство было государственной религией Китая во времена Ханьской династии (206 до н.э. — 220 н. э.) и до сих пор имеет большую нравственную ценность, способствуя формированию стабильного общества, основанного на прочных семейных отношениях. Конфуцианские моральные ценности имеют непреходящее значение; они дали китайцам историческое преимущество теоретического знания справедливой социально-политической организации перед другими народами мира [84; 85; 86].

По силе своего нравственного воздействия конфуцианство сыграло в истории Китая не менее важную роль, чем даосизм, но оно гораздо более доступно пониманию и имеет больше приверженцев, поскольку по сути своей является своего рода социальной религией. Конфуцианство и даосизм сосуществуют параллельно, их философские построения лежат в совершенно разных плоскостях: в конфуцианстве основное место занимают вопросы социального порядка и справедливости, в то время как даосизм концентрируется на здоровье индивидуума и его гармонии с природой. Но они поддаются и сопоставлению: порядок и справедливое общество есть продукт деятельности здоровых и здравомыслящих индивидуумов и т. п. Как видим, китайцы не имеют ортодоксальных взглядов на религию и довольно прагматичны в этих вопросах. Они готовы в зависимости от своих потребностей принять или отвергнуть концепции как одной, так и другой религиозной системы.

Конфуцианство можно охарактеризовать как философско-обоснованный кодекс социально-этических норм и одновременно всеобъемлющую политическую идеологию и определенный образ жизни. При этом основной акцент в конфуцианском учении делается на том, что является

истинным, а что ложно в человеческом поведении, а также на необходимости внутренней дисциплины [84; 86].

О жизни Конфуция (551—479 до н. э.) сохранилось немного сведений [86]. Его имя является латинизированной формой китайского имени Кун Фу-цзы (чаще просто Кун-цзы), данного философу миссионерами-иезуитами. Его знаменитые изречения, многие из которых стали общеизвестными пословицами, свидетельствуют о нем, как о человеке, наделенном глубокой мудростью, огромным человеколюбием и стройной логикой мысли. Эти изречения, в записи учеников Конфуция, составили книгу *Луньюй* или *Аналекты* [86].

Философ утверждал, что добродетель столь же вознаграждаема, сколь и наказуем порок; что рай на земле возможен при условии, что жизнь и поступки каждого человека будут преисполнены мудрости, чувства долга, справедливости, чистосердечия, милосердия, гуманности и соблюдения обрядов и церемоний. Свою главную цель конфуцианцы видели в развитии идеи цзюнь-цзы (идеи совершенного человека или благородного мужа), который своим поведением поддерживает порядок, гармонию и равновесие в мире.

Дополним изречения Конфуция, с которыми мы познакомились в предыдущих разделах работы, новыми, имеющими отношение к нравственно-этическим установкам культуры китайской речи: *Если у вас есть недостатки, не бойтесь избавляться от них; Изучай прошлое, если хочешь предвидеть будущее; В этой жизни за плохими новостями всегда следуют хорошие новости; С уст человека могут срывать острые стрелы, ранящие душу, и огненные мечи, оставляющие шрам на сердце. Крепко подумай, прежде чем что-либо сказать; Храня молчание, когда следует говорить, мы многое теряем. Говоря, когда следует молчать, мы бросаемся словами. Мудрый человек старается избежать и того, и другого; Учение без размышления — напрасно, размышление без учения – опасно [48].*

Даже поверхностное описание предпосылок формирования морально-этических принципов, доминирующих в китайском обществе и определяющих характер межличностного, в том числе и речевого, взаимодействия, не может не отметить роль еще одной мировой религии в их становлении.

Буддизм является ответвлением индуизма и был основан Сиддхартхой Гаутамой, индийским подвижником, около 500 года до нашей эры. Когда Гаутама достиг прозрения, он стал Буддой, что на санскрите означает Просветленный. Последователи Будды стремятся достичь нирваны, идеального состояния отрешенности от мира, путем медитации и добродетельного поведения в соответствии с требованиями восьмиступенного Пути (Дао), методом, разработанным Буддой [73].

Этот путь, или метод, приближения к нирване предполагает непричинение вреда другому и праведность в вере и мыслях, в речи и делах. Буддисты верят в четыре священные истины: жизнь есть страдание; страдание порождается желаниями; отрешение от желаний означает избавление от страданий и достигается следованием Дао, «восьмиступенному пути». Они верят в то, что при переселении души из тела, в длительной цепи реинкарнаций, их прошлые страдания, карма, забываются. Сакральные тексты буддистов известны под названием Священные тексты Лотоса.

Буддизм является третьей по значению религией в Китае и имеет широкий круг последователей. Но все же для многих китайцев, особенно конфуцианцев, буддизм – религия чужая и чуждая. Они с сомнением относятся к доктрине реинкарнации, а целибат жрецов считают противоестественным. Более того, алтари, горящие свечи, скульптуры и другие атрибуты буддистских храмов, ставящие их в один ряд с западноевропейскими церквями, не всегда понятны последователям Конфуция, в силу их нерасположенности к религиозным предрассудкам [73].

Укоренившийся в Китае буддизм Махаяны («Широкого пути к спасению») представляет собой упрощенную форму Буддизма с разработанной концепцией рая и ада и культурами Будды Шакьямуни, Будды прошлого Мирового периода и Будды грядущего Мирового периода, а также многочисленных Бодхисатв и других божественных персон, несущих разные формы спасения. Эта религия стремится удовлетворить самый широкий круг верующих, поскольку она признает божественные сущности других религий, а выбор божества для поклонения оставляет за верующим.

Буддисты миролюбивы и толерантны, они создали вегетарианскую кухню, способствующую улучшению здоровья китайцев, буддистские монахи способствовали развитию в Китае чаепития, что также благотворно для здоровья, наконец, ими были созданы и разработаны стили самообороны, которые сейчас служат основой для поддержания физической формы, имеют медитативную окраску и помогают снимать стрессовые состояния [73].

Буддизм, Ислам, Конфуцианство и Христианство объединились в китайской культуре. Несмотря на большие внутренние отличия, как целое, китайская культура обладает общими чертами. Находясь под влиянием собственной культуры, китайцы по своему характеру отличаются от народов других стран. Например, для китайца чрезвычайно важен институт семьи. Если Западное мышление пронизано индивидуализмом, то китайское мышление ориентировано на семью, а не на отдельную личность. Поэтому коллективизм, стремление к гармонии отношений и взаимопомощь – наиболее характерные особенности китайцев [73; 84; 86].

Китайцы предпочитают находиться в коллективе и нести коллективную ответственность, что их существенно отличает от представителей Запада, стремящихся к личной свободе. Китайские традиции культивируют атмосферу лояльности и коллективизма. Поэтому, возможно, в сознании китайцев упрочилось правило: «Успех принадлежит всем», в связи с чем

подчеркивание личных заслуг кого-либо может поставить его в затруднительное положение, нарушив баланс взаимоотношений.

Гармония или «золотая середина» рассматривается китайцами как неизменная истина. Гармония превыше всего! Они не будут раздувать ссору, пытаясь достичь согласия. Принятие решения требует у китайцев много времени из-за того, что им нужно единогласное одобрение всех, кто имеет отношение к делу. Обычно китайцы не склонны указывать на чьи-либо недостатки, опасаясь задеть его чувства [73].

В китайских докладных о проделанной работе можно встретить фразу: «У меня отсутствуют способности к работе. Будьте добры прокомментировать мою работу». На похвалу в свой адрес китайцы неизменно отвечают: «В нашей работе необходимы улучшения». Это просто формулы речевого этикета, об этом упоминалось нами раньше. Когда китаец приглашает кого-либо домой на обед, он может целый день провести в приготовлении блюд, сервировке стола, а потом назвать всё это «обычной домашней едой». Он может подарить ценный подарок, и говорить при этом, что это «безделушка». Понимание того, когда они говорят правду, а когда просто проявляют скромность, приходит не сразу. Рассматривая скромность как добродетель, китайцы не любят тех, кто хвастается. Поэтому любые формы самовосхваления вызывают у них антипатию.

Древнее китайское изречение гласит: «Скромность приносит человеку много пользы, а самодовольство – много вреда». Лао Цзы говорил: «Человек способен отличить правильное от неправильного, если не считает себя всезнайкой. Человек получит всеобщее признание за свои достижения, если не хвастается. Человек способен к большим достижениям, если он не заносчив» [73].

У человека, который с терпимостью относится к другим, обязательно будет счастливая судьба. А тот, кто нетерпим к людям, станет неудачником. Скромный человек, обладающий высокими идеалами, станет высоко

моральным. Значит, скромность – это качество, которое моральный человек должен воспитывать в себе.

В Древнем Китае в период Весны и Осени (722 – 481 гг. до н.э.) ученик Цзи Лю как-то спросил Конфуция: «Почему утративший мораль человек обычно бывает высокомерным?» Конфуций ответил: «У своих истоков на горе Вэнь река Янцзы не может нести по течению даже чашку. Но когда река Янцзы доходит вниз до следующей горловины, множество суден могут выстроиться в ряд на этой реке». Цзи Лю вновь спросил: «Что Вы имеете в виду, Учитель?» Конфуций объяснил: «Река Янцзы – самая большая река в Китае, но у своих истоков она не больше маленького ручейка. Она становится больше и шире, потому что вбирает в себя воду многих других ручьев и рек. Человек, который думает дважды прежде, чем сказать, не хвастается и не делает пустых обещаний. Настоящий благородный муж мудр и добр. Настоящий благородный муж с уважением относится к другим, он терпим и умеет прощать, он также является хозяином своего слова. Аморальный человек не задумывается о добродетели, в этом и заключается причина того, почему он не таков, каким кажется внешне и почему он тщеславен» [239].

Нравственные наставления передавались в Китае от поколения к поколению в форме притч и поучений. Они были призваны формировать тот нравственный идеал, который должен был превратить простого крестьянина в *благородного мужа*, наделив его добродетелями, о которых писали великие Учителя [48].

«Как только человек становится тщеславным и хвастливым, его мораль начинает падать. Нет ничего важнее, чем делать хотя бы небольшие, но постоянные усилия, чтобы улучшить свою нравственность. Человек сможет брать на себя важные и даже великие обязанности только в том случае, если он упорно продолжает следовать нравственным законам» [239].

Правильное употребление тех или иных жанров речи, в том числе и комплимента, является признаком овладения говорящим не только

языковыми умениями и навыками. Кроме этого, в коммуникации раскрывается личность в совокупности её социальных и морально-этических качеств, характеризующих говорящего как члена определенного национально-языкового коллектива с присущими последнему универсальными и культурно специфичными нормами социального взаимодействия [46].

Данная часть работы посвящена представлению понятия *риторический идеал*. В ней будет дана общая характеристика национально-риторического идеала, показаны основные источники его формирования, обуславливающие в своей совокупности национально-культурную специфику малых риторических жанров, одним из которых выступает коммуникативная тактика комплимента. Структурная организация риторического идеала, по всей видимости, носит наднациональный универсальный характер, тогда как содержание, концептуальное наполнение уровней риторического идеала является национально специфичным.

Термин риторический идеал принадлежит А. К. Михальской, которая определяет его как исторически сложившуюся и специфическую для данной культуры систему категорий, отражающих наиболее общие требования к речи и речевому поведению [93, 379]. Таким образом, риторический жанр *комплимент* должен рассматриваться с точки зрения культурно-речевых традиций, находящих свое воплощение в риторическом идеале, т.е. в системе общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившихся в конкретной культуре и отражающих систему ее этических и эстетических ценностей [93, 381].

В данном определении, как представляется, уже заложено представление о национальном риторическом идеале как о поуровневой организации факторов 1) собственно языкового уровня (уровень языковой компетенции), 2) коммуникативно-прагматического уровня (уровень коммуникативной компетенции) и 3) ценностно ориентированного уровня

нравственно-этических установок этноязыковой личности. Последний можно определить как аксиологический (ценностный), предполагая, что в речевом поведении конкретной национально-языковой личности получают своё воплощение исторически сложившиеся в данном социуме этические и эстетические ценности [46].

Каждый из уровней обладает только для него характерной национально-культурной спецификой. При этом ни один из них в отдельности не является достаточным для реализации того или иного речевого жанра. Иными словами, в речевом общении, в каждом отдельном акте речи, той или иной речевой тактике заложены составляющие компоненты национального риторического идеала в виде совокупности перечисленных уровней.

Аксиологический (ценностный) уровень определяет совокупность исторически сложившихся морально-этических, нравственных и эстетических установок, реализующихся в речевом и неречевом поведении представителя того или иного социума. Это уровень национально-языковой рефлексии, получающий своё воплощение в таких социальнопсихологических понятиях, как *национальный характер*, *менталитет* и т.п.

При определении национального характера В. Иорданский говорит о том, что под этим термином следует понимать поведенческую модель, типичную для данного народа и обусловленную единством общественного сознания, общностью системы надличностных коллективных представлений о мире, обществе, личности и нормах поведения человека [64, 31]. Национальный характер не наследуется, а приобретает в процессе воспитания.

Надличностный, коллективный, универсальный аспект в определении *национального характера* подчеркивается многими учеными. Большинство определенных черт национального характера, таких, как трудолюбие, скромность, патриотизм и др., являются общечеловеческими [19; 30; 59].

Следовательно, речь может идти не о монопольном обладании конкретным этносом той или иной чертой характера, а только лишь об интенсивности и специфике ее проявления или о наборе тех или иных черт, совокупность которых формирует определенный этнокультурный колорит [60; 61; 64; 78].

В последнее время для обозначения психологических особенностей этнических общностей понятие «*национальный характер*» вытесняется понятием «*менталитет*» или «*ментальность*». Под *менталитетом* понимают систему образов, *лежащих в основе* представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяющих поступки и поведение людей [60, 52]. *Ментальностью* называют менталитет конкретной эпохи, группы или класса людей [106].

Содержание данного уровня раскрывается в паремиологическом фонде языка (в пословицах, поговорках, афоризмах, поучениях и наставлениях, в национальном фольклоре и т.п.), в категориальном аппарате национально-языковой рефлексии.

Так, А. К. Михальская в набор категорий, составляющих в совокупности понятийное содержание русского риторического идеала, включает *кротость, смирение, хвалу, безмолвие, умиротворение, правду, ритмичность, мерность и умеренность* [93, 3].

Учитывая состояние общей и речевой культуры современного российского общества, особенности его менталитета, А. П. Сковородников считает необходимым дополнить перечисленный выше ряд этико-эстетических категорий традиционной русской ментальности категорией *соборности* [121].

Так, одна из категорий русского риторического идеала *смирение* включает в себя, кроме ядерного понятия, выраженного самим словом "смирение" (*отсутствие гордости, высокомерия*) [93, 6], такие понятия, как *кротость, незлобивость, скромность, терпение, терпеливость, терпимость, сдержанность, спокойствие* и др. Сюда же могут быть включены

евангельская заповедь "Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное" (Евангелие от Матфея, гл. 5, п.3) [121, 8], философское определение понятия, а также его психологическое толкование: *глубокое внутреннее состояние духа, направленное на борьбу с большим самомнением человека, но не тождественное покорности, поскольку ему всегда сопутствует свобода* [см.: 121].

Категория *смирения* наполняется на этом же уровне более конкретным содержанием. Так, словарь В. И. Даля "Пословицы русского народа" содержит в рубрике "*Смирение - гордость*" 162 пословицы, многие из которых могут получать кроме общеповеденческого и риторического содержание [165]: *Красна речь слушаньем, а беседа - смиреньем; Смиренье - Богу угожденье, уму просвещенье, душе спасенье, дому благословенье и людям утешенье* (социальная значимость смирения); *Аще обрящещи кротость, одолевши мудрость; Конь налогом берет, человек смирением; Себя жалеючи, кверху не плюй; Гордым быть – глупым слыть; Гроша не стоит, а глядит рублем; Спесивый высоко мостится, да низко садится; Спесивый не взглянет, слепой не разглядит; Спесивому хвала лучше дара* (спесивым легко манипулировать с помощью лести); *В тихом омуте черти водятся* (следует отличать подлинное *смирение* от его имитации); *Сделайся овцой, а волки готовы* и др.

Как видно из приведенных примеров, в пословицах находят место такие нюансы общения, которые не находят своего отражения в категориальном аппарате риторики, её в постулатах, максимах, аксиомах, универсальных правилах и т. п. В них представлена так называемая *житейская мудрость* народа.

Заповеди, поучения, наставления, словесные жанры фольклора, как и пословицы, существенно расширяют и углубляют смысловое пространство

рассматриваемых категорий, смысловое содержание которых может быть перенесено и в область речевого поведения.

В русской риторической традиции слово было призвано наставлять и формировать мировоззрение, нести людям мир и единение, воспитывать человеческую душу. Памятники литературы Древней Руси придавали слову большое значение [82].

Дар слова, красноречие воспринимались как награда свыше: «Был в то время некий монах, умудренный божественным учением, украшенный святой жизнью и красноречием» («Повесть о Варлааме и Иосафе» XII в.) [240].

Важным было не только умение говорить, но и умение выслушивать собеседника (*Слово серебро, молчание золото. Знай боле, да говори мене. Мало говоря, больше услышишь*).

На Руси всегда ценилась кротость (*Глаза держать книзу, а душу ввысь*) и осуждались хула, брань, наветы, клевета, громкая и крикливая речь, грубость в речи и многословие. В «Житии» говорится об одной из главных добродетелей князя Дмитрия Ивановича: «Праздных бесед не вел, непристойных слов не любил..., грубых слов в речи избегал, мало говорил, но много смыслил» [240].

Преимущество молчания получает образную оценку в древнерусских текстах: «Да не окажусь ненавистным миру многословной своей беседой, подобно птице, частящей свои песни, которые вскоре ненавидеть начинают. Ибо говорится в мирских пословицах: Безмолвное дело лучше бесполезного слова. *Делай сказанное и не говори о сделанном*», – читаем в древнерусском поучении [240].

В «Наставлениях отца к сыну» читаем: «Сын мой, если хочешь достичь многого в глазах Бога и людей, то будь ко всем почитителен и добр ко всякому человеку и за глаза и в глаза. Если над кем-нибудь смеются, то похвали его и полюби» [240].

Доброе слово – первое, с чем надо обратиться к человеку. «Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите», – велит Владимир Мономах («Поучения Владимира Мономаха») [82].

Достойной считалась речь, несущая правду, а не хулу, чуждая недоброжелательному осуждению. Лучше промолчать, чем осудить, а уж если порицать, то доброжелательно и с мыслью о пользе.

Так, древнейшие памятники русской литературы отражают истоки русской культурно-речевой традиции, традиции, как видим, глубоко нравственной и житейски мудрой.

Древнерусский риторический идеал поведения обнаруживает свою близость к христианским ценностям и предполагает в общении кротость, сдержанность, смирение, любовь и уважение к ближнему, порицает ложь и клевету [81; 82].

Отражая систему ценностей отечественной культуры, лучшие риторические образцы наследуют и продолжают традиции, которые вообрал в себя русский национально-языковой риторический идеал [93; 121].

Конкретные речевые тактики, фиксируемые в качестве образцов речевого поведения в пособиях по риторике, прагматике, культуре речи и т.п. составляют уровень коммуникативной компетенции.

Одним из важнейших компонентов национальной культуры, а, следовательно, и риторического идеала, является коммуникативное поведение народа. Под коммуникативным поведением понимают правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности [123; 124; 125]. Оно, как правило, имеет ярко выраженную национальную окраску, которая и преломляется в русском или китайском комплименте, обладающем национально-культурной спецификой.

Умение построить речевое высказывание в соответствии с ситуацией общения, с учетом особенностей адресата сообщения и другими факторами,

находящимися в ведении лингвопрагматики, составляют содержание данного уровня риторического идеала. Национально-культурные особенности этого уровня находят своё воплощение понятии *менталитет* [114; 116].

На формирование характера человека влияет множество факторов – начиная от места его проживания и заканчивая его социальной и профессиональной принадлежностью. Однако существуют некоторые доминанты национального характера и менталитета, которые относительно стабильны и характерны для большинства представителей данной этнической общности. Такой “измеряемой” формой проявления национального характера являются национальные стереотипы речевого поведения [144; 150; 151].

Их национально-культурная специфика затрудняет межкультурную коммуникацию. Поэтому человек, попавший в чужую социокультурную среду, сталкивается с трудностями в интерпретации некоторых речевых действий её представителей. Обратимся к интересным в этом смысле наблюдениям писателя Сергея Довлатова, эмигрировавшего из СССР в США. "В Союзе все было по-другому. Если тебе открыто не хамят, значит, дело будет решено в положительном смысле. И даже когда хамят, еще не все потеряно. Поскольку некоторые чиновники хамят автоматически, рефлекторно. Здесь все иначе. Беседуют вежливо, улыбаются, наливают кофе. Любезно тебя выслушивают, затем печально говорят: "Сожалеем, но мы лишены удовольствия воспользоваться данными предложениями. Наша фирма чересчур скромна для осуществления вашего талантливой, блестящего проекта. Если что-то изменится, мы вам позвоним" (С. Довлатов. Ремесло).

Структура работы построена, в целом, таким образом, что последовательность её глав отражает характер внутренней структурной организации национально-языкового риторического идеала. Так, конкретные языковые навыки и умения, обеспечивающие особенности структурной,

лексико-грамматической, синтаксической организации комплимента, вплоть до приемов и средств реализации языковой выразительности (уровень языковой компетенции), являются составной частью построения стилистических фигур речи.

Последние (уровень коммуникативно-прагматической компетенции) формируют вариативный набор речевой тактики комплимента для решения коммуникативных задач и достижения коммуникативных целей в соответствии с прагматическими нормами речевого поведения.

Наконец, эти нижние уровни, становясь частью высшего (аксиологического) и воплощают в речевом жанре комплимента тот риторический идеал конкретного национально-языкового коллектива, которому присущи исторически сложившиеся нравственно-этические нормы социального речевого взаимодействия и их эстетические особенности.

